

**ЛАТУННЫЙ
ГОРОД**

Shannon A.
CHAKRABORTY

THE
CITY
OF
BRASS

Шеннон А.
ЧАКРАБОРТИ

ЛАТУННЫЙ
ГОРОД

fanzon

Москва
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Ч-16

S. A. Chakraborty
THE CITY OF BRASS

Copyright © 2017 by Shannon Chakraborty
Published by arrangement with Harper Voyager,
an imprint of HarperCollins Publishers.
Designed by Paula Russel Szafranski.
Map by Virginia Norey.

Оформление серии *Андрея Саукова*

Компьютерная графика *Радия Фахрутдинова*

Чакраборти, Шеннон.

Ч-16 Латунный город / Шеннон А. Чакраборти ; [пер. с англ. Е. Шульги]. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-04-098022-2

Нари не верит в магию. При этом у нее есть необычные таланты – знание языков и способность заговаривать болезни. Это, как и другие трюки, помогает ей жить, занимаясь воровством и мелким мошенничеством на улицах Каира XVIII века. Она надеется, что ей улыбнется удача и она уедет в Стамбул для изучения медицины.

Скоро ей придется поверить в магию. Нары столкнется с демоническим ифритом и ордой гулей, а потом случайно вызовет могущественного джинна – лукавого и мрачного воителя. Он поведаст удивительную историю о пустыне, населенной духами огня, о реках, в которых спят мариды, о руинах некогда великих человеческих империй, о горах, которые охраняют невиданные хищные птицы, и о лежащем за ними Дэвабаде, легендарном Латунном городе, в который рок приведет Нары.

Дэвабад за своими зачарованными латунными стенами и семью вратами шести племен джиннов, встретит ее не только чудесами, но и ложью, предательством и придворными интригами.

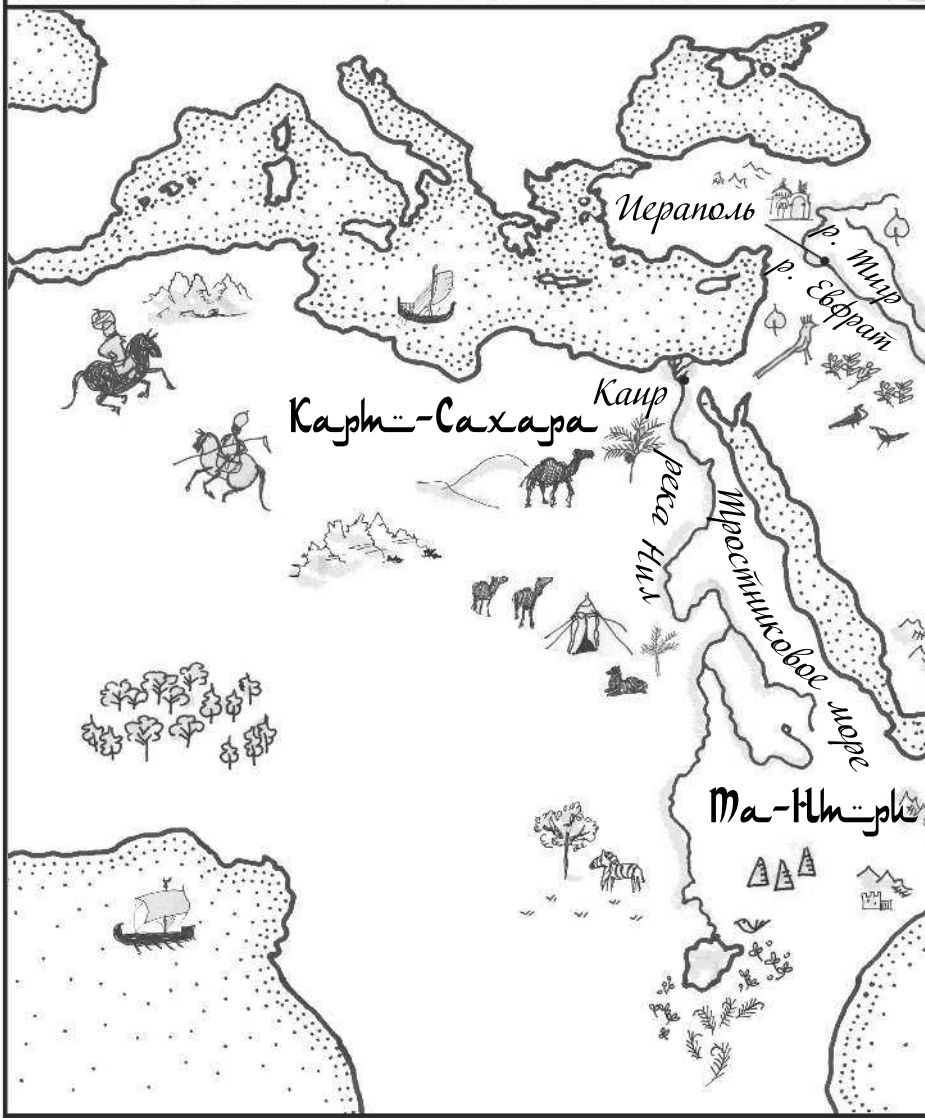
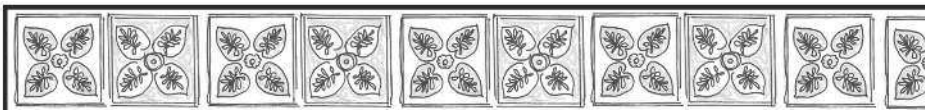
Появление Нары вызовет очередной виток смертельной вражды и магической войны, которая длится столетия...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098022-2

Алие, свету моей жизни

НАРИ

Он был легкой мишенью. Нары улыбнулась под вуалью, наблюдая, как к ее палатке подошли двое мужчин, препираясь между собой. Молодой стал нервно озираться, а старший — клиент — был весь покрыт испариной, несмотря на зябкий утренний час. Кроме них в переулке никого не было. Фаджр начался, и редкие в этом районе любители прилюдно помолиться уже сбежались к небольшой мечети в конце улицы.

Нары подавила зеवоту. Она не любила вставать с петухами, но клиент хотел встретиться как можно раньше и щедро заплатил за то, чтобы она вошла в его положение. Нары изучила приближающуюся пару и отметила светлые лица и крой дорогих плащей. Наверное, турки. Старший, возможно, даже паша — один из немногих, кто не бежал из Каира, когда сюда вторглись французы¹. Заинтригованная, она скрестила руки поверх черной абайи. Турецкие клиенты попадались ей нечасто: считали себя выше этого. Да и вообще, если бы французы и турки не воевали за Египет, они бы единодушно сошлись во мнении, что уж кто-кто, а египтяне сами со страной не справятся. Боже упаси. Не египтяне ведь наследники великой цивилизации, архитектурные памятники которой до сих пор украшают египетскую землю. Нет-нет. Все они глупые, суеверные деревенщины, чрезмерно злоупотребляющие бобами в своем рационе.

Думай себе что хочешь, а эта суеверная деревенщина сейчас облутит тебя, как луковку. Они подошли ближе, и Нары улыбнулась.

¹ Имеется в виду Египетский поход Наполеона Бонапарта 1798—1801 гг. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Она радушно приветствовала их и пригласила в свою тесную палатку, где угостила старшего гостя горьким чаем из толченых семян шамбалы с рублеными листьями мяты. Он залпом осушил чашку, а Нари еще долго разглядывала листья, напевая и шепча на своем родном языке — языке, которого никак не могли знать ее гости; языке, которому даже она не знала названия. Чем дольше она тянула время, тем нетерпеливее он становился, тем доверчивее.

В палатке было жарко. Под темными покрывалами, которыми были завешаны стены, ограждая посетителей от посторонних глаз, воздух застаивался и был насквозь пропитан запахами тлеющего кедра, пота и дешевого желтого воска, который Нари выдавала за ладан. Гость нервно теребил подол своего плаща. Капли пота катились по обветренному лицу и впитывались в вышивку на его воротнике.

Его спутник хмурился.

— Глупости это, брат, — зашептал он по-турецки. — Врачи ведь сказали, что ты здоров.

Нари скрыла торжествующую улыбку. Все-таки турки. Они и не догадывались, что какая-то знахарка из каирских трущоб поймет их речь — думали небось что она даже арабского толком знать не должна. Но Нари говорила по-турецки не хуже, чем на своем родном языке. А еще на арабском, иврите, ученом персидском, светском венецианском и прибрежном суахили. Лет двадцать она живет на этом свете, и за все эти годы она еще не слышала языка, который не понимала бы с лету.

Но туркам это знать необязательно. Поэтому, не обращая на них внимания, Нари сосредоточенно разглядывала заварку на дне чашки. Потом она охнула, всколыхнув дыханием тюлеву ювуаль, что привлекло взгляды мужчин к ее губам, и уронила чашку на землю.

Чашка, как и положено, раскололась, и паша ахнул:

— Всемогущий Боже! Неужели дело так плохо?

Она подняла на него томные черные глаза и похлопала длинными ресницами. Паша стал белым, как полотно, и Нари замерла, прислушиваясь к биению его сердца. От испуга сердце билось быстро и неровно, но она чувала, что его удары гонят по телу турка здоровую кровь. В его дыхании не было слышно хвори, а темные глаза блестели здоровым блеском. Несмотря на сквозящую в бороде седину, кое-как замаскированную

хной, и рыхлый живот, страдал он только от переизбытка денег.

От этого недуга она его с радостью избавит.

— Извини, господин. — Нари ловкими пальцами оттолкнула кошелек, проворно ощутив его и прикинув, сколько дирхамов в нем помещалось. — Нет, я не могу взять с тебя денег.

Паша выпучил глаза.

— Но почему? — вскричал он. — Почему?

Она потупила взгляд.

— Есть вещи, которые мне никак не подвластны, — проговорила она вполголоса.

— О Боже... Ты слышишь, Арслан? — паша повернулся к брату с мокрыми от слез глазами. — А ты говорил, что я спятил! — сказал он с укоризной, хлюпая носом. — А я вот умираю! — Он уронил лицо в ладони и зарыдал, пока Нари пересчитывала золотые перстни у него на пальцах. — Я так мечтал о свадьбе...

Арслан бросил в ее сторону сердитый взгляд и снова повернулся к паше.

— Возьми себя в руки, Семал, — прошипел он по-турецки.

Паша вытер глаза и посмотрел на нее.

— Нет, не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать. До меня доходили слухи... говорят, ты поставила калеку на ноги, лишь *посмотрев* на него. Неужели ты совсем не можешь мне помочь?

Нари откинулась назад, втайне довольная собой. Она понятия не имела, о каком калеке он говорил, но, хвала Всевышнему, это должно благоприятно сказаться на ее репутации.

Она положила руку на сердце.

— Мне самой горько приносить дурные вести. Подумать только, твоя невеста лишится такого завидного жениха...

Его плечи сотрясли рыдания. Нари выждала, пока истерика достигнет пика, попутно подмечая толстые золотые украшения на запястьях и шее паша. К его тюрбану был пришит крупный рубин ювелирной огранки.

Наконец она снова заговорила.

— Есть один вариант, но... нет, — она покачала головой. — Ничего не выйдет.

— Что? — воскликнул он и вцепился обеими руками в крышку стола. — Умоляю, я на все согласен!

— Это будет весьма непросто.

Арслан вздохнул.

— И готов поспорить, весьма недешево.

Ах, теперь ты заговорил по-арабски? Нари очаровательно улыбнулась ему, зная, что он увидит ее лицо под полупрозрачной вуалью.

— Уверяю вас, мои расценки более чем справедливы.

— Замолчи, брат, — осадил его паша, смерив его рассерженным взглядом. Решительно он повернулся к Нари: — Рассказывай.

— Я ничего не гарантирую, — предупредила она.

— Нужно попытаться.

— Ты смелый человек, — сказала она, подпуская дрожь в голос. — На самом деле я думаю, что сглаз — причина твоего недуга. Кто-то тебе позавидовал. Тебе любой может позавидовать. Твое богатство и привлекательность легко могут навлечь зависть. Возможно, даже близкого человека... — она украдкой посмотрела на Арслана, но и этого хватило, чтобы у того зарделись щеки. — Очисти свой дом от скверны, которую навлек на тебя сглаз.

— Как? — спросил паша пылким шепотом.

— Сперва пообещай во всем меня слушаться.

— Разумеется!

Она заговорщически подалась вперед.

— Достань микстуру, на одну треть состоящую из серой амбры и на две трети — из масла кедрового дерева, да побольше. Найдешь все в аптеке у Якуба, в конце улицы. Его товар самый лучший.

— У Якуба?

— Айва, да. Спросишь у него еще толченой лаймовой кожуры да масло грецкого ореха.

Арслан глядел на брата с неприкрытым скепсисом, но во взгляде паши заблестела надежда.

— А потом?

— Дальше будет самое сложное, господин. — Нари взяла его за руку, и его пробил дрожь. — Но ты должен следовать моим указаниям неукоснительно.

— Обещаю, клянусь Всевышним.

— Твой дом нужно очистить от скверны, но сделать это можно, только когда он будет пустовать. Все должны покинуть его стены: твоя семья, животные, слуги — все. Семь дней в доме не должно быть ни единой живой души.

— Семь дней! — воскликнул он, но, заметив ее недовольный взгляд, понизил голос. — И куда же нам идти?

— К оазису в Файюме¹.

Арслан рассмеялся, но Нары продолжала:

— На закате отправляйся ко второму по величине источнику оазиса со своим младшим сыном, — велела она. — Там наполни водой корзину из набранных поблизости прутьев, прочти над ней трижды аят Престола и после умойся этой водой. Перед уходом окропи все двери амброй и маслом, и к твоему возвращению от зависти в доме не останется и следа.

— В Файюме? — перебил Арслан. — Господи, женщина, даже тебе должно быть известно, что идет война. Или ты думаешь, Наполеон вот так запросто выпустит нас из Каира скитаться по пустыне?

— *Замолчи!* — паша стукнул по столу кулаком, после чего повернулся к Нары: — Но это и впрямь будет непросто.

Нары развела руками:

— С Божьей помощью...

— Конечно, конечно. Что ж, Файюм так Файюм, — постановил он, принимая окончательное решение. — И тогда у меня будет здоровое сердце?

Она задумалась. Значит, его беспокоило сердце?

— На все воля Божья, господин. Но пусть молодая жена еще месяц заваривает тебе чай с толченым лаймом и маслом ореха.

Его абсолютно здоровому сердцу не будет от этого ни горячо, ни холодно, а вот супругу порадует приятное дыхание изо рта мужа. Нары отпустила его руку.

Паша поморгал, как будто выходя из-под гипноза.

— Что ж, благодарю, милая, благодарю.

Он всучил ей небольшой, но туго набитый кошель и снял с мизинца увесистый золотой перстень, который приложил в довесок.

— Благословит тебя Бог.

— А вам детишек побольше.

Он грузно поднялся на ноги.

¹ Эль-Файюм — древнейший город Египта, основанный в 4000 г. до н.э., расположен в одноименном оазисе, со всех сторон окруженном Ливийской пустыней.

— Не могу не спросить, милая, откуда ты родом? Акцент у тебя каирский, но в глазах у тебя что-то... — он осекся.

Нари поджала губы. Она терпеть не могла, когда спрашивали о ее родословной. Хотя немногие назвали бы ее красавицей — все же годы жизни на улице превратили ее в девушку куда более худосочную и неопрятную, чем предпочитали мужчины, — но ее блестящие глаза и острые черты обычно задерживали на себе взгляд. И, задержавшись, взгляд скользил выше, примечая пряди черных, как смоль, волос и необыкновенного цвета глаза — «противоестественно» черные, говорили некоторые, и тогда уже возникали вопросы.

— Как сам Нил, я рождена в Египте, — заверила она.

— Ну да, ну да, — паша дотронулся до своей брови. — Мир твоему дому.

Он нырнул в дверной проем и ушел.

Арслан решил задержаться. Собирая свой гонорар, Нарю почувствовала на себе его взгляд.

— Ты понимаешь, что только что нарушила закон? — спросил он грубо.

— Простите?

Он подошел ближе.

— Закон, глупая. Колдовство подлежит преследованию по закону Османской империи.

Живя в Каире под османским игмом, Нарю столько раз приходилось иметь дело с напыщенными турецкими чинушами вроде Арслана, что она не смогла сдержаться.

— Значит, повезло мне, что главными стали франки.

Это было ошибкой. Арслан побагровел. Он замахнулся, и Нарю отпрянула, инстинктивно стиснув в пальцах кольцо паши. Острый край врезался ей в ладонь.

Но турок ее не ударил. Он только плюнул ей под ноги.

— Бог мне свидетель: ты ведьма и воровка... И как только мы вытолкнем французов из Египта, мы примемся за шваль вроде тебя.

Метнув в нее напоследок кипящий ненавистью взгляд, он ушел.

Нарю судорожно вздохнула, провожая братьев взглядом. Споря между собой, они постепенно растворились в утреннем тумане, удаляясь в сторону аптеки Якуба. Не угроза выбила ее из колеи, нет: трескучий хрип в его крике, железный запах

крови, расплзшийся в воздухе... Пораженное легкое: или чашотка, или даже раковая опухоль. Пока никаких явных признаков, но они не заставят себя долго ждать.

Арслан не зря подозревал ее в мошенничестве: его брат был здоров. Вот только сам он не доживет до того дня, когда турки отвоюют ее страну обратно.

Нари разжала ладонь. Порез уже начал затягиваться, и полоска свежей коричневой кожи проступила под каплями крови. Она рассматривала руку, а потом вздохнула и скрылась внутри палатки.

Она стянула с головы завязанный узлом платок и скомкала в руке. *Идиотка. Знаешь же, что нельзя так выходить из себя, когда имеешь дело с мужчинами.* Нары ни к чему было наживать новых врагов — тем более таких, которые непременно теперь выставят стражу вокруг дома паши на время его паломничества в Файюм. Сумма, которую она заработала сегодня, казалась мизером по сравнению с тем, что Нары могла бы вынести с его пустой виллы. Она не стала бы брать слишком много — она уже давно занимается этими фокусами и умела совладать с искушением. Но несколько украшений, пропажу которых списали бы на рассеянность жены или на вороватую прислугу? Пустяки, которые для паши не стоили бы ничего, но оплатили бы месяц жизни Нары? От этого она не отказалась бы.

В очередной раз чертыхнувшись себе под нос, она скатала спальный матрац и вынула из пола несколько кирпичей. Монеты и кольцо она бросила в ямку, хмурясь при виде своих скудных сбережений.

Этого недостаточно. Этого никогда не будет достаточно. Нары вложила кирпичи на место, подсчитывая, сколько еще нужно, чтобы хватило на аренду жилья и на взятки, необходимые для того, чтобы заниматься ее ремеслом, которое день ото дня теряло популярность. Сумма все росла, и мечты Нары о Стамбуле, учебе, почетной профессии и настоящей медицине вместо этой нелепой «магии» отодвигались все дальше.

Но в данную минуту Нары ничего не могла с этим поделать, и она не привыкла жалеть себя, когда это же время можно потратить на то, чтобы зарабатывать деньги. Она встала, обмотала мятым платком копну кудрей, собрала амулеты, которые